

Влад Потёмкин

*Браки
рождаются
на небесах*

Не было счастья, да несчастье помогло

Влад Потёмкин

**Браки рождаются на небесах.
Не было счастья, да
несчастье помогло**

«Издательские решения»

Потёмкин В.

Браки рождаются на небесах. Не было счастья, да несчастье помогло / В. Потёмкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745039-7

Ангел-хранитель летит на вселение душ, но обнаруживает, что души уже вселились без его участия. Хранитель спешно возвращается на Землю, чтобы разыскать своих опекаемых и быть сопричастным в их судьбе. Но поиски на Земле затягиваются...

ISBN 978-5-44-745039-7

© Потёмкин В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Браки рождаются на небесах
Не было счастья, да несчастье помогло
Влад Потёмкин

© Влад Потёмкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Это правда? – вопрос Идэн задала более из кокетства, нежели действительно сомневаясь, в том, что ему нравится. Хальв, под предводительством отца, был в дальнем походе, по слухам – неудачном, но она была рада его видеть.

– Да!.. Уже три года, – спокойно подтвердил он.

– Прямо, так уж и три года? – продолжая заигрывать, Идэн Форсет смотрела на него и видела существенные перемены в этом повзрослевшем, восемнадцатилетнем юноше. Это был не тот, Хальв Ирвинг, когда-то стесняющимся взглядом, смотревший на неё и смущённо отводивший свой взор, словно пойманный – зачем-то непристойным. Он уверенно смотрел, ей в глаза и по настоящему, был рад этой встрече. В руке она держала охапку черёмухи, во множестве здесь растущую, поэтому все прилегающие скалы и ущелье были седыми, точно борода старца.

– Три года, – повторил он. – А, ты, стала ещё красивее!

– Спасибо, – ответила девушка, радостно улыбаясь. Ирвинг взял её за руку. Они сделали одновременный шаг вглубь массивного валуна-платформы. От каменной глыбы взлетали ввысь, три выступающие кручины. Пико образные выступы были настолько высоки, что казалось – «растут» сами по себе.

Форсет подняла глаза, перед ней висели белые клубы убегающего черёмухового снега. На нижних ярусах отчётливо просматривались свисающие кисти, испускающие терпкий запах. Множество цветков смотрели на неё своими жёлтыми сердцевинами, словно фонарики, обрамлённые лепестками – пятью светлыми чешуйками.

– Надо же, – удивилась она, – я раньше и не замечала, что их пять? Жёлтые фонарики улыбались, не то, завидуя, не то, радуясь за неё. Идэн почувствовала во рту, в районе нёба, горьковатый вкус, одурманивающий голову. Корни деревьев в диковинных объятиях образовывали над ними свод. Черёмуха начинала отцветать, засыпая долину, всю округу наибелейшим покрывалом. Сколько прошло времени, она не знала – светило перевалило на вторую половину небосвода. Идэн стала рассматривать Хальва, любуясь его красотой. Он спал. У основания его ног, рассыпавшись, лежали ветки, из подаренного им букета. Она взяла одну из них и провела у него под носом. Верхняя губа пришла в рефлекторное движение. Его волосы из стадии «пушка под носом» превратились в обильную, густую растительность, но за счёт своей светлости и тонкости не выпячивались копною, а наоборот гладко прилегали, делая его привлекательным, превращая – во вполне зрелого и состоявшегося мужчину. Она медленно повела ветвью, но – теперь, нацеливая её на самый кончик носа. Подёргивания возобновились, интенсивней, чем прежде. Ирвинг открыл глаза.

– Вы, изволите баловаться? – сказал он любовно.

– Ага, – закивала Форсет.

– Должно быть, в Вас таится дерзновенная хулиганка, – с теплотой в голосе продолжил он и провёл рукою по её щеке. Из её глаз потекли слёзы. Слёзы радости и счастья закрыли ей свет.

– Скоро будет темнеть, – промолвила она. – Мне пора.

– Когда, я тебя увижу? – поинтересовался он.

– Ты, хочешь, увидеть меня снова? – с вернувшимся к ней кокетством переспросила Форсет.

– Да!

– Хорошо! – произнесла она.

– Завтра, здесь же. Когда солнце будет на макушке этой ели, – девушка показала на вершину дерева растущего из глубины каменного проёма и шагнула к тропинке, по которой пришла, обернулась и закричала, что есть силы.

– Хальв!!!

Хальф... аф... аф... аф... подхватило эхо и с угрожающим лаем понесло по горам. Горы, как бы, предупреждали её о чём-то. О чём... девушка не смела, даже догадываться, а не то, что думать... Идэн не слышала этих предупреждений. Она любила!..

– Я тебя люблю!!! – охваченная счастьем прокричала Форсет.

Люблю... люблю... люблю... вторила теснина. Одновременно с выкриком, она подкинула вверх свой, огромный букетище, и скрылась из вида, под летящие вниз белоснежные отrostки.

* * * *

Весь оставшийся вечер и, всю ночь Идэн не смыкала глаз, с нетерпением ожидала предстоящего свидания. На следующий день, она пришла раньше, запланированного времени, но Хальв не появился. Не пришёл он и через день, как не ожидала она его. Переживая, что же могло случиться, Форсет спустилась вниз. Переполненная тревогой, она вошла в резиденцию, где и узнала: «Конунг¹ Хальв Ирвинг женился и отбыл со своею женой в полученный от отца удел».

Идэн, не помня себе, вышла с княжеского двора. Она шла... и шла, не разбирая дороги, пока ноги сами не привели её – к месту их свидания с Хальвом.

– Видать не зря в женских сагах поётся: «Счастья длится миг, а потом о нём, лишь – можно вспоминать», – подумала девушка. Слезы посыпались из её глаз, стекая крупными каплями по щекам.

– Темнеет, – рассудила она, – надо засветло пробраться на чердак, чтобы мать не заметила её такой зарёванной. Идэн, решительными взмахами ладоней, вытерла слезы и направилась к дому.

¹ Скандинавская иерархия сословий: конунг – правитель (князь), ярлы – приближенная знать, бонды – свободные землевладельцы и сама низшая составляющая – рабы.

Глава I

Идэн была единственным ребёнком в семье бонда Эрика Форсет «Курчавая Голова» и Хиль по прозвищу «Мать Природы». Расстроенная, после услышанной новости о женитьбе Хальва, она не помнила, как пришла домой – не заметно пробралась к себе и, уткнувшись в подушку, потеряла счёт времени. С постели её поднял отец, вернувшийся домой. Она слышала, его громогласный голос. Он был на общих работах – на постройке корабля. «Курчавая Голова» ездил на север, валить необходимый для строительства лес – на мыс «Корабельных Роц», тот, что за «Чаячным Склоном», где могучие сосны упираются в самое небо, бронзовыми стволами.

Эрик, как и все свободные землевладельцы, был обязан платить подать «для защиты края отцов» под названием «весло упряжь». Это означало, что совместно с другими бондами – они должны были построить по приказу конунга корабль или же предоставить каждый по коню. Хозяин приехал не один, а с сыном бонда Бреда Игл «Морехода» с «Долины Туманов» Аустом.

Людей с «Долины Туманов» в союзники на строительство корабля он выбрал не случайно – ещё год назад, ему понравился этот восемнадцатилетний парень и задумал Форсет выдать, за него замуж свою дочь. Всё семейство Бреда было на промысле трески и сёмги, а Ауст, как самый младший – был оставлен на общие работы, где ему и предстояло отдуваться за всю свою фамилию. Это был, самый подходящий провод – заманить к себе, этого голубоглазого, светловолосого трудягу-крепыша, и познакомить с Идэн.

Остаться Ауста на берегу заставило неудобство – ему было крайне неловко выходить в море капитаном, имея в команде подчинёнными отца, старших братьев и своего деда. Право на командование кораблём он получил в обход своих старших родственников от прадеда за навыки морской навигации, и это право было для него крайне обременительным.

Произошло это в предыдущий сезон. Тогда свободные землевладельцы платили подать «Для защиты края отцов» лошадьми. В появившееся свободное время Форсет «Курчавая Голова» совместно с семейством Игл, под предводительством восьмидесяти девятилетнего Оста, вышли в море. В том походе Форсет и убедился в бесстрашии и здравой рассудительности Ауста.

Их корабль попал в шторм. Два течения – холодное и тёплое – столкнулись между собой в противоборстве: «Кто кого?..» Холодное пыталось разделить Гольфстрим и справиться с разбившимися рукавами по отдельности. Всё началось с незначительного толкания волны о борт судна. Следующая волна уже более весомо заявила о своих намерениях. А далее, волны одна за другой не останавливаясь, воздействовали на парусник и оторвали его от воды. Подымая баркас всё выше и выше, стихия уносила его в небо. К тому же, от постоянного влияния силы дощаник закружило, вращая вокруг главной мачты, усугубляя и без того бедственное положение корабля.

– Один!!! – взмолилась команда. На лицах воинов-моряков застыл страх. Их мечи находились в трюмах, а уйти из жизни без оружия в руках – означало не попасть в рай – не попасть в Валгаллу.

– Один!!! – зывали они снова и снова. Они не мыслили, загробную жизнь без чертогов Одина, но пробраться в трюм было не возможно – ураганный шквал грозил – выбросить их в море, оторвись они хотя бы хоть одной рукой от опор. Их мольбы оставались без внимания, судно подымалось всё выше и выше и вот оно встало – замерло и стремительно полетело вниз, в самую бездну. Волны двух течений столкнувшись, отступили друг от друга разом, и образовалась пустота. И в эту воронку, как в пучину уносило корабль.

– Один!!! – уже в который раз взмолились мореходы. Судно теперь летело вниз с неистовой скоростью. У них над головами висели бочки, с приготовленным на зиму уловом – бочки

летели им в след. Рядом с бочками, рыба, только, что выловленная и до этого лежавшая на палубе. Рыбы в полете открывали рты, хватая воздух, и шевелили жабрами. А по краям две морские пучины стояли стеною и вот они разом, на глазах сошлись, сначала обдав множеством морских, холодных брызг и тут же сомкнулись, захлопывая за собою выход. К тому же всё: команда, бочки, рыбы и само судно продолжали кружиться в центрифужном вращении, наводя растерянность, страх и полную предсказуемость их неизбежной гибели.

– Один!!! – хотели воззвать в очередной раз бедствующие, но не успели – волна с неистовой силой накрыла их возглас.

Лишь Ауст, сохраняя спокойствие, стоял у кормового руля. Когда, корабль был в вышине, он не видел смысла грести штурвалом по воздуху, но стоило судну упасть на водную основу, как он тут же принялся выравнивать парусник, попеременно направляя его то вправо, то влево. Руль, почувствовав соприкосновение с морем, ощутил всю воздействующую силу стихии, но уверенная рука кормчего заставила бот выйти из крена. Судно, точно щепка, вылетело вверх, очутившись чуть в стороне от разыгравшейся бури и попадая в полный штиль. Даже не верилось, что такое возможно – совсем рядом бушевала стихия океана, неся друг на друга, вал за валом, по своей самой наивысшей степени морского измерения и это было страшно. А рядом, чуть в стороне, киты, при полном штиле на просторах безграничной морской глади, при ярком освещении полярного солнца в безмятежном спокойствии выпускали множество фонтанов.

– Надо же?!! – удивлённо вымолвил Ост, как будто ничего и не произошло. – Киты вернулись?!!

Ещё в далёкой древности, он слышал это от своего деда, а тот в свою очередь от своего прадеда – сюда заходили каждый год киты на бракосочетание. Но со временем море обмелело, и киты заходить перестали.

– А ведь раньше, киты каждый год заходили сюда, – повторил дед указывая, куда-то на восток, – там у них Родина!..

В те далёкие времена у скандинавов не было проблемы с едой – одного добытого кита хватало на всё селение, а не то, что на семью и селения то были – ох, какие большие. Дед мог рассказывать до бесконечности, про те сказочные времена, о которых он мог знать только понаслышке.

Когда Скандинавские горы освободились от тяжести льдов, поднялась подводная гряда и перегородила вход в Белое море и киты перестали приходить в эти края. Народы Скандинавии охватил голод, на чём только можно люди покидали поросшие лесом не приветливые горы, совершенно не приспособленные для земледелия. Каждый год, каждое десятилетие на протяжении целого тысячелетия, толпы изголодавших и обездоленных: кимвров, тевтонов, бургундов, готов, алеманов, саксов, да разве всех их перечислишь, пересекали Балтийское море в надежде сыскать на просторы Европы, что-нибудь съестное.

– Вы, знаете?!! – продолжал дед. – А ведь борьба стихий, которую мы сегодня видели явление редкое, но не впервые происходящее.

Дед опять принялся рассказывать о том далёкое время, свидетелями которого были его предки ещё более далёкие, чем во времена китобоев.

– Тогда тёплое течение не устояло в противоборстве холодному и большую часть моря покрыло ледяным панцирем, – сообщил Ост. – И закрылся выход рыбаков в море. И если бы не китовый промысел, то люди бы не выжили. Ныне же, как видите всё наоборот – Гольфстрим устоял.

Ласково светило солнце. Моряки не заметили, как попали в окружение стай китов. Самцы величаво красовались, показывая дамам свою мощь. Они, набрав воздуха, ныряли на глубину, оставляя, после себя, большие круги и начинали петь. Их монотонное натуженное пение сотрясало. Эти звучания не были слышны, но ощущались, какими то не понятными

человеческими фибрами, через состояние окружающей среды, через состояние окружающего мира. И эта атмосфера заворачивала, клочкотала внутри людей, поглощая всех и всё, во власть этого воздействия.

– Ауст!.. – рассказчик обратился к правнуку. – А это ведь не простой знак. Ты первый раз вышел в море, но я сразу увидел в тебя, как только дал тебе рулевое управление, что ты настоящий кормщик. Кормщик от Бога. Все остальные сопутствующие знаки: возвращение китов и борьба стихий, посланная Одином на твоё испытание, лишь подтверждает это. Тебя ждёт **ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ!!**

Все собравшиеся были согласны с суждениями деда, благодаря Аусту они не утонули в морской пучине, как рабы без оружия и у них всё ещё остаётся надежда – попасть в рай и провести остаток своей жизни в компании прекрасных Валькирий. Дед сходил в трюм и вернулся наверх, в полном облачении воина.

– Я принял решение в обход своего сына, в обход своего внука и в обход всех своих старших правнуков передать штурвал управление кораблём Аусту, – заявил он.

Команда молча поддержала выбор главы рода. Дед весь поход наблюдал за умелыми действиями, своего младшего внука, но самого способного в морском вождении корабля. Передать капитанство не по старшинству, а через голову и даже не одну, было не простым решением, но зато здравым и правильным.

По иерархии рода кормчим мог стать самый старший, самый опытный, так издали повелось. Но стечение обстоятельств наложили свой отпечаток. Ост видел в этом знак – триумф, специально для него приготовленный Одином. Он подошёл к Аусту и вручил ему право на управления кораблём и тут же со словами: «Один!!» взмыв руками вверх он шагнул в море. В одной руке он держал обнажённый меч, во вторую кружку для эльфа. Море тут же поглотило воина в тяжёлых доспехах.

Все как по команде спустились в трюм и, облачив на себя доспехи, вернулись на палубу, прихватив с собой и бочонок с пивом. Разлив по чаркам веселящий напиток, они воздали дань уважения ушедшему от них воину Осту и свои послания-просьбы Одину, чтобы тот принял их товарища в свои чертоги. Выпили и за нового кормчего.

Массивные самцы продолжали петь, сотрясая море и сердца важно плавающих рядом невест. Иногда морские гиганты подходили к кораблю совсем близко, и возникало ощущение, что разворачиваясь, кит вот-вот ударит по судну и причинит ему не поправимый урон. Но, они, умело координируя своим телом, ни разу не коснулся корабля. Перед всплытием киты выпускали огромный фонтан и вырывались из морской пучины, как исполины. Набрав воздуха, они, вновь, уходили под воду, продолжая наполнять округу своим пением и этот звук бил по корпусу корабля и отдавался в сердцах моряков, разбегаясь по телу.

Рыбную ловлю они решили завершить. Благо весь улов, что летал с ними по воздуху, благополучно вернулся на корабль, не только бочки, но и тот, который они не успели, ещё разложить в приготовленную тару.

«Курчавая Голова» после столь важных событий решил: «Только с Аустом его дочь Идэн может обрести полное счастье и семейный покой».

– Вдвоём мы судно будем строить долго, – резонно рассудил Форсет. Отец, прекрасно знал, что по возвращению родственников Ауста с моря – юноша непременно зайдёт к ним с Хиль сватов.

– Дамы! – с порога известил о своём появлении «Курчавая Голова» и, поцеловав, улыбающуюся жену добавил, – у нас гости! А где, дочь?

– Что-то ей нездоровиться, – сообщила «Мать Природы». – Уже, который день не выходит!

- Сейчас вылечим! – громогласно заявил муж.
- Смотри, какое я ей лекарство привёз! – и он указал во двор, где запланированный жених, уже принялся шкурить сосновые стволы.

Глава II

Языки пламени принялись лизать поленья, брошенные Идэн в костер. Просушенные остатки строительства, ярко вспыхнув, точно хворост, неистово запылали. Пламень, взмыв вверх, обдало её лицо приятным согревающим жаром. Комья вара растапливались, растекаясь по днищу чёрного ведра, и превращаясь в жидкость булькали, лопааясь пузырьками на поверхности, издавая своеобразные хлопки. Идэн боковым зрением тайно наблюдала за Аустом. Красивый ладно сложенный парень шкурил топором очередное бревно. Вот, уже который день, она любит его, видя, как он умело превращает, когда-то высоченные сосновые стволы в доски. Юноша, также – украдкой, поглядывал на неё и когда их взгляды встречались, они одновременно отводили их в сторону. Вар хлюпал, подымаясь темной пеной, готовый вот-вот пойти через край. Надо было сообщить Аусту, чтобы он забирал ведро, но девушка стеснялась.

– Больше ждать нельзя! Иначе убежит, – рассудила Форсет.

– Смола готова, – наконец-то набравшись смелости прокричала она, но так тихо, что даже сама удивилась, как от стеснения у неё сел голос. Но, он услышал её, точнее – давно уже ждал её позыва, Ауст слышал её и чувствовал...

– Сейчас заберу, – задорно прокричал Игл. Он бодро прыгнул на землю и поспешил к кострищу, надевая на ходу кожаную рукавицу.

Горячая живица, лишившись огня, побулькивая, издавала последние хлопки – надо было скорее смолить, пока она не застыла. Ауст энергичными движениями руки промазывал борта и швы корабля. Окунув кисть в ведро, он быстро её переворачивал, чтобы не растрчивать вар понапрасну. Когда жидкости в ёмкости, осталось меньше половины девушка, принялась поливать, остаток варки через край, пуская его тонкой струйкой, для более удобного просмаливания.

– Как, ты, умело льёшь вару! – похвалил парень её старания. – Как истинный, умелый корабел?!!

Идэн залилась румянцем и засияла, радостным блеском обворожительных, красивых глаз.

Каждое утро, Ауст и Идэн с нетерпением ждали начало работы, чтобы поскорее увидеться. Она не выходила к общему столу, стесняясь, что родители могут заметить, её неравнодушие к гостю.

Работа спорно двигалась. Корабль, из-за дня в день, набирал рост. Идэн и Ауст, уже не стеснялись друг друга. Они, по долгу, мирно беседовали совершенно на разные темы. И, что удивительно – Идэн ни разу, не вспомнила о Хальве, словно и не было – этих долгих, мучительных дней скрывания на чердаке.

Стоя рядом друг с другом, они забивали гвозди, шпаклевали и красили борта, убеждаясь в сходстве своих характеров. Встречаясь глазами, они уже, не отводили взгляд друг от друга, а смотрели друг другу в глаза осознавая, что между ними зарождаются отношения сладостные, трепетные, счастливые и долгие. Не смотря на трудность работы, от которой – у них немели руки и ноги, и болело все тело, они были довольны совместным выполнением возложенных на них задач и не сожалели об этих лишениях. Именуя это не иначе, как счастье. За это время, что они провели вместе, – они узнали друг о друге, как им казалось, всё; словно пробыли вместе целую вечность. Но, даже не смотря на это – сердце Идэн продолжало неистово колотиться внутри.

– Почему, от его присутствия, так начинает биться сердце? – задавала она себе этот вопрос, хотя и сама прекрасно знала ответ – «ЭТО ЛЮБОВЬ!!»

Увлечённые работой и друг другом они не заметили, как пришла Белая Ночь. Солнце не заходило за горизонт – оно, лишь перемещалось с востока на запад, оставаясь где-то у них

за спиной, где-то на севере. И, лишь, чтобы оставить за ночью, её исконное и подтвердить астрологическое время суток на небосводе величаво появлялась яркая – жёлто-оранжевая, а порою даже и голубая луна.

В один из таких сказочных вечеров Ауст соорудил качели. Он взял длинный такелаж. Привязал канат к могучей ветви раскидистой сосны, а для удобства сидения посередине положил доску.

Идэн, точно птица, парила над землёй улеталя в убегающую высь. Ветер, обжигая, бил ей в лицо. От резкого взлёта радостного свистело в ушах, а чарующая высота создавала иллюзию бесконечного пространства, до самых небес. Широко раскрытые глаза, вдруг наполнились неописуемым счастьем, безудержно смотрели вперёд, в бесконечную голубую даль неба залитого и золотистыми лучами Солнца и магическим светом, таинственной чарующей Луны. Охваченное восторгом, лицо Идэн сияло, весёлыми, ликующими выражениями. Щеки порозовели. Она смеялась, радостно и от души, погружённая в этот сказочный аромат стихии. Молодость раскрылась в ней, обнажая её и наполняя, со всей, присущей, лишь ей – молодости – чарующей, обаятельной и притягательной непосредственностью. Скользя, между пространством Выси и Земли, Форсет с каждым взмахом улеталя все выше и выше. Ветер разлетался по сторонам. Взлёты приобрели такую скорость, что напоминали мотание маятника, с такой стремительностью, что Идэн нельзя было рассмотреть, и если бы не светящиеся на лету глаза, то можно было бы подумать, что это носится по небу не видимый фантом в раздувающихся одеждах. Глаза её светились, точно звезды на небе, волосы растрепались и следовали за ней, словно шлейф. Одежды хлопотали на ветру, словно буря полоскала их. Как стихия полощет стяг или парус на корабле викинга. Она наслаждалась полётом – это была её среда, её стихия, её воздух. Светлые, пшеничные волосы девушки, с лёгким рыжим налётом в небесных лучах отливали янтарём. Ауст любовался ею, как прекрасна, величава и могущественна была она в этом полете, улеталя в лазурную высь и возвращаясь обратно, подобно морю во время бушующего урагана, морю безудержному и неукротимому.

– Ой – й – й!!! – испускала она восторженный вскрик и улеталя, ещё выше в небо и тут же со свистом проносились обратно, чтобы вновь взмыть, набирая очередную высоту. Она ликовала и наслаждалась полётом и музыкой разносившейся по округе.

Ауст, как то, из ветки – выстругал рожок. Украсил его, не замысловатой резьбой, получилось, очень, даже красиво и удобно играть. Сейчас, он сидел на бугорке и играл, какую-то лирическую мелодию. Музыка, порою переходила в воинственный марш и возвращалась обратно к нотам певучим и растянутым. Так, меняя темпы, он играл для неё, сидя на своём возвышении. В вышине, под самыми сводами высоченной сосны мелодия звучала торжественно, а в самой, наивысшей точке своего полёта, звучание было величаво на столько, что Идэн хотелось затормозить – остановить время – остановить своё пребывание в этом пике и наслаждаться и наслаждаться этими звуками. Находясь в таком состоянии, она отчётливо видела и верила, в уготованную ей с Аустом прямую дорогу и идти, по этому пути, они будут вместе твёрдым шагом. Она верила, что в их создающихся отношениях заложена, такая безмятежная, безукоризненная и ясная уверенность. Уверенность крепкой, дружной семьи, с приятной сытостью, с всеобщим удовольствием и достатком и само собой разумеется любовью и любованием друг другом. От всего этого нахлынувшего счастья ей хотелось плакать. С Хальвом у неё, таких ощущений не возникало. Хотя, знала она его – уйму лет. И, как ей казалось – досконально, но, чувство туманной дымки не покидали её, на протяжении всего времени их общения. Может, поэтому, она, так – довольно-таки безболезненно – пережила его обман и расставание. Нет! Она любила Хальва, иначе не были, бы пролиты, те реки слез. Не было бы тех бессонных ночей, проведённых в проёме чердачного, слухового окна. Но, сейчас, ей казалось это – чем-то далёким и даже происходившее не с ней.

– Да, – трезво рассудила она. – Любовь к Хальву была у неё первой, а первая любовь – это, что-то наподобие ветряной оспы – болеют в детстве, однако шрамы остаются на всю жизнь. У неё этих шрамов не было – должно быть, правило ветрянки в её случае действовало безукоризненно – «чем раньше переболеешь – тем меньше шрамы» или же лекарь попался правильный и его чудо-концентрированная зелёнка сделала своё дело, не оставив следов. По крайней мере, она чувствовала, что любовь к Хальву – не оставила – ни на её теле, ни на её сердце – ни каких последствий. Хальв был хорош, иначе бы она не полюбила его, но в нём не было – того решительного – «НЕТ», каким обладал Ауст. Хальв был ведомый, нежели этот загорелый и ладно сложенный корабель с харизмой явного северянина.

Бедность княжеского двора понудила Ирвинга Старшего породниться с богатым бондом Филиппом. Не в состоянии противиться отцу Хальв женился на старой деве и отбыл со своею женою в отведённый отцом удел, негодуя на свою слабость. Отведённый отцом удел оказался заброшенной заимкой в горах, да и сам отъезд больше напоминал бегство. Бегство от всех и от самого себя. В первую очередь Хальв Ирвинг бежал от стыда своего неудачного супружества. Не такой он представлял свою семейную жизнь. Прозябая в лесной глуши, среди бочонков браги и пива, он время от времени думал об Идэн – рассуждая, «как бы у них было всё хорошо». Он любил её и продолжал любить, но, ни разу не подумал о причинённой ей боли.

– Да! – рассудила Форсет. – Хальв это не Ауст?!!

Внимание Ауста размягчило сердце Идэн, согрело и дало ей уверенность, как она считала, на всю оставшуюся жизнь.

– Любит! – говорило ей сердце, и Идэн была с этим полностью согласна. Луна и Солнце продолжали занимать, своё место на небосводе. Небесное противостояние двух светил, музыка Ауста и пение множества крошечных птичек превратили окружающий мир в волшебный сад.

– Алтарь любви, – подумала она. Ей казалось, что – это всё для неё и в её честь. В траве, множество цикад и кузнечиков, приветствовали Форсет своим стрекотанием. Где-то, в глубине чащи неустанно куковала кукушка.

– Кукушка!!! Кукушка!!! Сколько мне жить?? – прокричала девушка.

Наполненная радостным порывом, юная особа принялась загибать пальцы, попеременно меняя руки. Когда, подошёл очередной черёд – смены руки, Форсет задумалась: «Какую руку подставить для дальнейшего учёта своих долгих летоисчислений?»

Задумалась и кукушка.

– Пятнадцать? – переспросила Идэн, не то себя, не то кукушку, но ответа не последовало.

– Должно быть, её согнали... и, кукушка перелетела на другое место, чтобы продолжить добавлять мне годы, – успокоила она себя.

Но, неприятное состояние страха уже вселялось в неё и с каждой секундой нарастало, все больше и больше. Ей захотелось вниз, к Аусту, чтобы он успокоил её и вселил в неё, хоть какую-то часть своей могучей уверенности.

Идэн стала останавливать качели.

Ауст, видя, что движения замедляются, перестал играть и стал приближаться к ней, все ближе и ближе. По мере того, как уменьшалась, раз от раза, амплитуда качания уменьшалось и расстояние между ними. Она почувствовала, его приближение и сердце, вновь забило внутри, словно загнанный в колесе бельчонок. Она в растерянности отпустила канат и полетела вниз. Её волнение передалось Аусту – он, еле успел подхватить девушку у самой земли.

– Как, ты, меня напугала, – в сердцах выпалил «Мореход» и понёс девушку на руках, легко и непринуждённо, что ей показалось – это эльфы несут её на нежных крыльях. Ей хотелось смеяться от счастья, безудержно, радостно и от всей души. Она, тут же, забыла про кукушкино гадание и даже переборов стеснение, не стала вырываться из его объятий, хотя сердце продолжало биться, по-заячьи колотясь о стенки её души, а наоборот – Форсет прижалась

к нему, ещё крепче, сама не осознавая почему – ради подстраховки, чтобы не упасть или ради удовольствия?!!

Внутри Ауста напряжение, также росло. Он прекрасно понимал, что разрешить это состояние он сможет, лишь выразив, в своём признании в любви к Идэн. Однако голос его не слушался, а подымающиеся из глубины чувства застревали, где-то в районе горла, встав комом. В этот самый момент, Идэн посмотрела на него, таким радужным, опьяняющим взглядом. Впрочем, такой притягательной силы – брызнув, из-под длинных, вспрыгнувших ресниц задором обворожительных красивых глаз и располагающей взаимности. И этот блеск счастливых глаз и задор её лучезарной улыбки, предали ему ту самую уверенность, которой так не хватало его действию, что он тут же выпалил:

– Я тебя люблю!

Сказав это – он, окончательно и навсегда, связал свою жизнь с ней, прекрасно понимая – после этого шага, уже, не может быть обратного хода.

– Наконец-то, – подумала она.

Услышанное радостно понеслось внутри неё.

После приземления, она, в очередной раз, смутившись, отвела свои глаза, но от слов признания она подняла, вспыхнувшее лицо и их глаза встретились и засияли.

– Я тебя люблю, – повторил он.

Сердце Форсет продолжало неистово колотиться, перерастая в дрожь. Она не осознавала, что происходит внутри. Откуда столько пляшущих, дурманных сознание звуков. Девушка почувствовала нехватку воздуха, она хотела сказать:

– Нет, – но внутренний голос почему-то молчал. Смутное состояние тревоги и сомнений куда-то исчезло. От набежавших ощущений и недостатка воздуха, у неё закружилась голова, она машинально силилась выдавить очередное «нет», но воздуха не было в её груди, чтобы сказать – это «нет». Она глубоко вдохнула, глядя на Ауста, в его сияющие счастьем, голубые, бездонные глаза, точно – глубокое озеро, – и вместе с воздухом – она вздохнула в себя ЕГО – целиком и без остатка, словно это и был её единственный воздух, ради, которого она родилась, жила на свете и будет жить дальше. Ради него одного и их безраздельного счастья вместе.

Поведение Ауста возымело своё действие – она успокоилась и, положив голову на его плечо, закрыла глаза.

Глава III

Глаза они открыли одновременно. Маленькие птички сидели на ветках и смотрели на них, не шелохнувшись. Завораживающая тишина стояла вокруг. Цикады притихли. А солнце и луна были скрыты наползающими из-за моря тучами.

– Ах!!!.. Вот – от чего, притих мир?!! – сказал Ауст. – Должно быть дождю?

Идэн ничего не ответила.

Легонький ветерок пробежался по листве, подтверждая прогноз Ауста.

– Бежим! Радость моя, – восторженно обратился он. – А то, мы вымокнем!

Но, Форсет словно не слышала его – она наслаждалась, его заботой о ней. Лишь, когда первые капли дождя упали на них, он решительно, протянул ей руку, заставляя её бежать к укрытию.

Грозовая туча властно застелила все небо. Деревья закачались, под сильными порывами ветра. Молния, ярко сверкнув, озарила округу. И тут же, резкий раскат грома прогремел, среди нависших, темных туч. Удар прогрехотал такой силы, что небо и горы задрожали, а вода шквалом хлынула на землю. Ливень, все нарастал и нарастал, заливая сушу.

Ауст, чтобы дождь не замочил Идэн растянул над ней свою рубашку, но она тут, же промокла.

Гроза, молниеносно начавшаяся, также быстро и закончилась, оставляя после себя бесконечные лужи. Солнце, вновь, засияло на небосводе в альянсе с улыбающейся Луной. Убегающий ветер, стряхнул с намокшей листвы остатки дождя. Капли звучно падали в образовавшиеся лужи, пуская по поверхности воды разбегающиеся круги. Ветер стих окончательно, лишь время от времени лёгкое дуновение, покачивало остов прошлогоднего камыша, играющего своей метёлкой.

– Непонятно, как его сюда – в горы, занесло? – подумал Ауст, глядя на стебель осокового растения, нашедшего пристанище в узкой гранитной расщелине.

Ауст взял из рук Идэн свою рубашку и стал её выжимать. Они, неотрывно, смотрели друг на друга и улыбались, довольные и счастливые.

Голос отца привёл их в чувства. Первым – это осознал Ауст. Беспорядочные мысли вновь за будоражили в голове Идэн. Лицо покраснело. Повторный окрик заставил её отозваться, только возгласа не последовало – порыв так и застыл, не вырвавшись с её уст. Она улыбнулась, сражённая своим бессилием. Ауст улыбнулся ей в след, прекрасно понимая состояние любимой.

– Иди, – посоветовал он. – Я приду позже.

Лишь на третий окрик отца она отозвалась.

Девушка сбежала с палубы по трапу и по дорожке направилась к дому, пытаясь на ходу что-то петь, чтобы скрыть своё волнение. Только, как она не старалась, песня не получалась – голос не слушался, но Идэн не останавливалась. Со стороны – это выглядело нелепо, однако отец не подал вида.

– Сколько можно работать?!! – похвалил «Курчавая Голова». – А где Ауст?

– Не зная, – ответила дочь и ещё – больше покраснела.

Из ложбинок, после столь сильного, проливного дождя, подымался туман. Промозглость от чрезмерной влажности пробежала по телу прохладой, плечи Идэн задрожали, а сердце, вновь, начало колотиться.

Смятение не покидало её, а наоборот – бурный поток ощущений нарастал, и от этого, ей становилось, ещё неудобней. В ушах шумело. Голова кружилась. Перед глазами медленно плыли, какие-то мельтешащие точки, опускаясь до определённой черты, они вспрыгивали вверх и опять начинали ползти – до той же самой черты. Она молча шла рядом с отцом. Он

ей что-то рассказывал. По крайней мере, у него открывался рот и шевелились губы, но она не слышала его – слова-признания Ауста заполнили всё её внутреннее пространство.

– Я тебя люблю!!! Я тебя люблю!!! – слышала она и ничего другого.

Сославшись на усталость, дочь стала подниматься к себе, пожелав отцу: «Спокойной ночи».

– Люблю! Люблю! – пульсирующие удары били по вискам и точно эхо, разносили эти звучания по телу. Они звучали, не стихая – точно набат, призывающий на тушение пожара, но она не хотела тушить, этот пожар.

– Люблю! Люблю! – опьяняло её – всё больше и больше.

Это разбушевавшееся пламя, как вихрь, как ураган уносило Идэн из прошлой жизни; точно лавина, с которой бесполезно бороться – она всё сметает на своём пути. Так и Ауст, словно лавина, схватил её и закружил в своих объятиях. Закружил её, словно соломинку в водовороте счастья.

– И нет смысла этому счастью противиться! Идэн Форсет рада быть, этой счастливой соломинкой!!! – заключила девушка.

– Это судьба! – решила она. Далёкий раскат грома, уходящей грозы подтвердил это.

– Такого ощущения у неё ещё не было!.. Может потому, что Хальв, не говорил ей такого? – подумала Форсет, но, тут же, отогнала эту мысль. Набежавшая мысль о Хальве, показалась ей, какой-то не естественной и нелепой. Ей показалось, что – думая о Ирвинге – она оскверняет, свои чувства к Аусту и Ауста к ней. Теперь, конунг Хальв Ирвинг был для неё посторонним человеком. Он, отныне ничего для неё не значит. И ничего, кроме неприятностей, если думать о нём, ей не принесёт. Её сейчас заботило – не своё состояние, а состояние Ауста, а то, что – эти думы – будут неприятны для её любимого, она была уверена.

Не желая больше погружаться в воспоминания, она подошла к окну. По небу медленно плыли вереницы белых облаков, словно эскадры кораблей под белыми парусами, среди которых есть и их корабль с Аустом. Она закрыла глаза.

– Я люблю тебя, – клокотало внутри, заполняя всю её.

Далёкие всполохи молний, сквозь сомкнутые веки продолжали тревожить её сознание. А чувства продолжали пылать – точно огонь по весне, бушуя и расползаясь по прошлогодней, иссохшей траве и забираясь все в новые и новые – не изведанные, ещё даже ею самой потаённые места и вспыхнув – мгновенно запыхав, продолжая неистово разгораться, все сильнее и сильнее... Видимо много было неистраченных дров в печурке госпожи Идэн и горели они чисто, без пепла и копоти.

Идэн посмотрела на горы, продолжающие хранить свой цветущий весенний наряд. Яблони, сливы, вишни, рябины бурно цвели, точно невесты в белоснежных платьях.

– Надо же!.. – восторглась она, находя место и для себя в этом свадебном эскорте.

По небу плыли облака причудливых форм. Солнце, отразившись от гор, золотило эти каравеллы, золотило всю эскадру и их с Аустом корабль в частности. Она услышала стук топора, Игл шкурил очередной могучий ствол. Его не было видно – из-за выступа дома, но его рубашка сохла на солнце. Он из палки соорудил плечики и теперь его сорочка, точно белоснежное облако, покачивалась при каждом лёгком дуновении ветерка. Окрылённая счастьем, она пошла, спать.

Она лежала на кровати, погружаясь в сон и, ощущая – какое-то трепетное, заботливое внимание и тепло, исходящее откуда-то издалека, но близкое, греющее и родное. Она, засыпая, не могла понять, что её так греет?! Откуда, столько трепетной теплоты и заботы... и приписала – всё это сказочное состояние – заботе и любви Ауста. Вот только, данное попечение, тепло и внимание исходило от потустороннего мира – «Существа», которое летело к ней в дом – там, наверху – ею до поры – до времени оставленный и сейчас, пустующий, но она тут, же уснула, обрывая с ним мысленную связь.

Глава IV

А «ОНО», в состоянии блаженства, продолжало лететь по бесконечному пространству хранилища, в желании поскорее увидеть своих подопечных чад.

Выключив, какое-либо воздействие – в виду отсутствия гравитации и притяжения, «ОНО» погрузилось, в ещё большее состояние блаженства и это состояние все множилось и множилось, готовое перерасти в эйфорию радости, не имеющую границ.

«ХРАНИТЕЛЬ ДУШ» обожал сюда возвращаться. И если бы не было, ограничения по времени здесь находиться и не требовалось, его присутствие на Земле, он бы никогда не покидал этого сказочного места. Его передвижное средство, в виде гранаты, несло его к цели. Им не надо было управлять – в силу магического притяжения родственных импульсов – «Душам не нужен проводник домой – этот путь они знают без поводырей!» А это были его Души. «ХРАНИТЕЛЮ» нужно было торопиться – посещение гостей было ограничено не только по времени, но и по количеству посещений, поэтому он не мог здесь появляться и быть – бесконечно. Ангел пролетал, через множество сот, расположенных в небольшом пространстве – в тоже время безмерно-бесконечном. Он, весь, погрузился в предвкушение предстоящей встречи. Но, оказавшись перед пустым колумбарием, опешил. Сот был пуст. Не веря своим глазам, он поземной привычке засунул голову в колумбарий – заглянул внутрь прозрачной банки, но бесконечная глубина подтвердила отсутствие в ней «ДУШИ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.